

26 МАР 1980

ЗАВТРА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

КАК НАХОДЯТ ЗРИТЕЛЯ

— Замечаете? — спросил как-то меня инженер Игорь Андреевич Уханов. — Наш театр вдруг стал центром духовной жизни города.

И. А. Уханов занимается вертолетами сельхозавиации, стало быть, принадлежит отнюдь не к «тирикам», скорее уж к «физикам». К ним же относится и инженер завода «Сельхоздеталь» Владимир Родионов. Он говорит о театре как бы не только от собственного лица, но и от лица товарищей по работе, семьи, сверстников.

— Любимый спектакль? — «Последние», — Родионов подумал немного, потом поправился: — Нет, «Гамлет». Но начал я со спектакля «Они были актеры».

Много у нас в последнее время ведется разговоров о театре. У нас — это значит в городе, на предприятиях, в компаниях, среди знакомых и мало-знакомых людей. Обмениваются мнениями, рвутся на дефицитную «малую сцену». Почему вдруг театральная жизнь стала как бы частью нашей жизни?

В самом деле — почему?

Бывают, очевидно, объективно-закономерные спады и всплески театральной жизни. Театру между тем надо не просто жить, но и безостановочно конкурировать с вездесущим кинематографом, бороться с нашей собственной инертностью, вольготно раскинувшейся в домашних тапочках перед голубым экраном.

— Андрей в третий раз идет смотреть «Гамлета», — говорит между тем инженер Уханов о своем сыне.

— Димку дома оставить нельзя, — отмечают Родионовы. — При этом что интересно? «Кафедра», например, совсем не молодежная вещь, а сидит — замер, не оторвешь...

Я упорно обращаюсь к этим двум зрительским семьям, потому что они типичны. Их вопросы — вопросы общества, их стремление найти в театре не развлечение, а толчок для раздумий — характерны в целом для театрального города.

Семь лет назад в русский драматический театр им. М. Горького пришел новый художественный руководитель (потом он стал и директором) Анатолий Григорьевич Новиков. Пришел и оказался перед самоочевиднейшей задачей: надо менять репертуар. Завоевывать зрителя можно, и развлекавая и озадачивая. А. Г. Новиков выбрал второе, не потому что оно вернее. А потому что — труднее. Таково было его кредо: легкое — оно и есть легкое, а трудное — оно и есть трудное.

Сегодня А. Г. Новиков совершенно твердо говорит: крымский зритель любит спектакли большие. Не грандиозно-зрелищные. А глубокие, скажем, по анализу отношений между личностью и обществом. Потрясающие психологически, требующие большой затраты сил. Но зато и остаются они в репертуаре надолго... Семь лет не сходят со сцены театра «Царь Федор Иоаннович», «Версия»,

долго идут и будут идти «Последние», «Гамлет», «Да здравствует королева, виват!».

Крымский академический русский драматический театр имеет возможность ответить на большее количество вопросов, хотя бы потому, что спектакли идут на трех сценах: большой, студийной и малой. Но ведь и работа на три принципиально разные площадки требует в три раза напряжения!

В очень большой зал Украинского театра, в котором сейчас идут спектакли академического театра им. М. Горького, купить билет, конечно, легче. И часто еще сюда попадает зритель «организованный». Все тот же участник культпоходов. Ученик, купивший абонемент. Студент, посаженный в свое кресло не столько собственным энтузиазмом, сколько убежденностью старших: кругозор твой будет без театра не полон, даже при полном собрании дисков «Болш-М» и прочих современных ритмов.

«Организовать» же зрителя можно только в том случае, если есть на что организовывать. Тогда, «организованный» раз, другой, он, по крайней мере в одном случае из трех, вполне возможно станет всегдашним. И вдруг, глядя, к примеру, на нервную игру А. Ганюченко, подумает: «А ведь это и мой сын может так страдать, как же я раньше не сообразил?» Или в одной из героинь, сыгран-

ных С. Вандакской, узнает свою сослуживицу и содрогнется, и поймет, что спор с нею не закончен. И не может закончиться миром.

На днях театр получил телеграмму, подписанную министром культуры СССР П. Н. Демичевым и председателем ЦК профсоюза работников культуры М. В. Пашковым. Телеграмма приветственная. Коллектив поздравляется с завоеванием первого места и переходящего Красного знамени во Всесоюзном соревновании театров и других зрелищных предприятий за вторую половину 1979 года.

Крымский академический драматический театр им. М. Горького и сегодня, естественно, готовит новые спектакли. С особым чувством находки А. Г. Новиков ведет репетиции Чеховского «Дяди Ваня».

В чем же суть находки? Хотя бы в том, что в этом театре «Дядя Ваня» — первый спектакль по пьесе А. П. Чехова. До сих пор почему-то проходили мимо них. Впрочем выбор этой «тихой» пьесы воспринимается и сейчас, как неожиданность. Вроде бы что-то в ней противоречит нашему представлению о режиссерской линии, привычной для Новикова.

Но, думая о пьесе, вдруг замечаешь: а противоречия то нет. Одно из личных пристрастий главного режиссера — жестко, бескомпромиссно показывать, как губительна бывает беспред-

метная доброта. Как скоро она превращается в попустительство. А попустительство может растлить кого угодно, разрушить что угодно. Что в жизни почем? За что и чем приходится рассчитывать? Каковы предпосылки предательства? Что можно ему противопоставить? — вот вечные вопросы, живущие тысячелетия, и в наши дни тревожно встающие в наших умах и душах.

У театра есть одно огромное преимущество перед другими современными видами искусств: он пробуждает сочувствие к человеку, проживающему свою жизнь, свое горе вот тут же, у тебя на глазах.

Кроме того, жажда духовной жизни растет прямо пропорционально росту общеобразовательного уровня. И не надо работать локтями, чтоб пробиться к тому, кто мучим жадой. Достаточно того, чтоб вода была не из стоячего болота провинциальности. Жаждающий сам поспешит к реке или роднику. А если уж живая, врачующая вода — тогда и речи нет. Иногда врачует смех, иногда — ирония, часто сострадание. Главный режиссер, от которого в основном и зависит репертуар, чувствует: настало время «Гамлета». Молодые хотят видеть идеал неподкупности. Именно неподкупности, готовой к действию, но в силу коварных обстоятельств не успевшей начать это действие. Именно так решен

«Гамлет» в театре. Настало время также показать Петра Петровича Шмидта, человека, который для себя ничего не хотел. Был наивен, самоотвержен, погид, в конце концов. Но не хотел даже помилования отдельно от других. Хотел только, чтоб его помнили. Чтоб готовность его к казни послужила уроком. И театр ставит «После казни прощу...»

Гамлет — интеллигент и Петр Петрович — интеллигент. А сейчас все, что всерьез сказано о человеке интеллигентном, воспринимается с жадностью, пристрастием. Зритель приходит в театр нынче так же, как берет книгу: сравнить свой эталон счастья, удачи, доблести с тем, что выбирают герои. Важно, что театр предлагает пример. Добавим, что в театре, о котором идет речь, герой часто не идет напролом, он раздумывает, в чем-то сомневается. Думаящий герой с активной позицией — что может быть современнее и привлекательнее? Так стоит ли удивляться тому, что театр действительно стал центром духовной жизни города?

У театра, как у каждого творческого коллектива, есть мечта. Возможно, в большей степени это мечта главного режиссера, человека, однако, знающего, что есть актерские силы, способные мечту осуществить. Мечта — в большом спектакле показать не то, как мы победили в войне, а почему мы смогли победить. Показать характером героя, какое огромное нравственное преимущество заключается в нашем строе.

Е. КРИШТОФ.